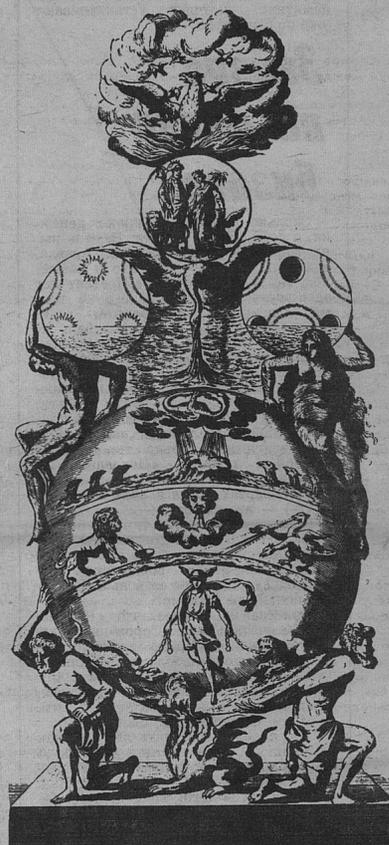

Рустам ИБРАГИМБЕКОВ, Никита МИХАЛКОВ

СИБИРСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК

(ОТРЫВОК ИЗ КИНОРОМАНА)

на не скользит. Французы сделали мастику, а мы башмаки на резине и все! Понял!

ДЖЕЙН (глядя вдаль). Вы генерал... Он нас увидел.

РОБЕРТО. Где?

Генерал Рядлов замечает в толпе гостей — Джейн с отцом и Копновым. С улыбочкой им кланяется. Все трое ему отвечают.

РОБЕРТО (глядя на генерала). Неужели это правда? Совершенно невероятно.

ДЖЕЙН. Веди себя прилично, ты можешь все испортить!

Роберто трогает себя за карман.

РОБЕРТО (нетерпеливо). Можете быть, пойдем к нему? ДЖЕЙН. Стой спокойно. Он сам придет.

Адъютант-распорядитель скользит вдоль крошки залы. Он проходит мимо наших юнкеров. Они уже заметили Джейн и теперь все время смотрят в ее сторону.

АДЪЮТАНТ (негромко). Юнкера, поддерживайте блеск и славу училища! Выручайте — больше никому!

Рядлов тем временем уже подошел к Джейн, что-то улыбаясь говорит; Джейн смеется. Генерал жмет руку Роберто, раскланывается с Копновым. Генерал уже беседует с Джейн.

Несколько пар пытаются начать вальс, но с трудом добиваются до безопасного места в галерее. Звучит вальс, но танцующих нет.

ПОЛИЕВСКИЙ. Обидно, господа, чертовски обидно! Наполеон непременно бы уже что-нибудь придумал.

ТОЛСТОЙ (сосредоточенно). Или Суворов.

Джейн смеется, запрокинув голову. Рядлов что-то рассказывает, важно жестикулируя. Иногда она как бы невзначай и рассеянно скользит взглядом по залу. И юнкерам даже кажется, что она ищет их. Глаза ее весело сверкают, а улыбка заворачивает. Толстой переводит взгляд с Джейн на играющий на хорах оркестр и вдруг издал тонкий свист летящего снаряда.

Юнкера поворачиваются к нему.

ТОЛСТОЙ (неожиданно). Есть! Попал, господа! Юнкера смотрят на него.

ТОЛСТОЙ. За мной, юнкера!

АЛИБЕКОВ. Куда?

ТОЛСТОЙ. Каннироль...

Юнкера мгновенно все понимают. Осторожно лавируя между гостями, они стремительно продвигаются к лестнице на хоры.

Вальс здесь звучит оглушительно. Сложно движутся смычки из-за спины музыкантов. В крохотном коридорчике на длинной полке разложены фуляры для скрипок.

Один сторожит у входа, остальные вынимают куски канниролей из фуляров для натирки смычков. А еще через мгновение на узкой темной лестнице, толкаясь и пытая юнкера задирали ноги и густо терли друг другу подошвы сапог канниролью, царапая второпях пальцы о серебряные шпоры.

ПОЛИЕВСКИЙ. Ну, Толстой, ну, молодец! Быть тебе Ганнибалом!

Он первым прыгнул вниз и исчез в толпе. За ним — Аликсандр и Бутурлин. Толстой замешкался с Назаровым. НАЗАРОВ. Мне погуле, Толстой! Я тяжелый.

Полиевский первым ступает на блестящую поверхность паркета. Через мгновение еще двое, а затем и Назаров. Шаг каждого из них легок и уверен, походка весела, нога стоит твердо.

Толстой попадает в зал последним, пробирается меж стоящих гостей и... останавливается.

Полиевский уже почти пересек залу. Как учили: с чуть округленными локтями, скользящим шагом, он подходит прямо к Джейн и останавливается в двух шагах от нее. Они ступают на зеркальную гладь залы и поначалу неуверенно и осторожно, а затем все более легко и стремительно начинают кружиться на паркете. Уже и Бутурлин, и Аликсандр, выбрав партнерш — испуганных и смущенных воспитанниц института, — кружатся по залу. Вот и Назаров ведет кого-то в круг, а Толстой все стоял и смотрел на Джейн. Порывшись с Толстым, она весело глянула прямо ему в глаза. Толстой отвел свой взгляд и увидел в кресле полную румяную даму, затянутую корсетом, но даже и он не мог справиться с могучей плотью дамы.

Толстой попомнил мгновение, потом, как учил его Геллер, по всем правилам сделал подход к даме. Несмотря на полноту, дама оказалась подвижной и энергичной, и Толстой решительно вывел ее в круг. Фулярика, затая дыхание, восхищенно смотрела на бравых юнкеров-алексеевцев.

Набережная Екатеринбургского канала. Легкий снежок кружится в воздухе, живое пламя газовых фонарей до приседает на ветру, то опять разгорается, когда он стихает.

В тройке лошадей под управлением бравого лихача в наглом полубуде мчится юнкера с бала в училище.

Толстой сидит на оставленном ему месте в санях — крайнем справа, лицом к кучеру. В санях продолжается общий разговор, в центре которого Полиевский.

ПОЛИЕВСКИЙ. ...Приступало, господа, к проверке своих давнишних сомнений по поводу прогрессивности корсетов и обнаруживаю, что оно на ней нет, совсем нет. Говорю откровенно, и лифа заметить не могу. Зато под лопаткой, левой, нащупываю очаровательную родинку. Толстой, а вы ничего не хотите сказать нам по поводу родинки? Вам ее в пезде не показывали?

Толстой еще все в мрачных думках после разговора с маманькой, рассказ Полиевского заставляет его быть еще более сдержанным.

ТОЛСТОЙ. Прощу вас...

ПОЛИЕВСКИЙ (перебивая). А что вы меня все время просите, Толстой? Что она вам: мама, сестра, жена? Вы ведете себя так, будто у вас на эту американку какие-то права. Ну спели при ней разок... спяну... Мы из-за вас отстояли «кастом», а теперь-то что? И поговорить о ней нельзя?

Юнкера смеются, а Полиевский старается сохранить серьезное лицо.

ПОЛИЕВСКИЙ. ...На чем я остановился? А, на родинке. Так вот, беру я ее за родинку...

АЛИБЕКОВ (возбужденно, с интересом). Это как?

ПОЛИЕВСКИЙ. Перстами, князь. [Он сил перчатку]. Самыми кончиками, слегка касаясь. Одним, другим... Самыми кончиками. Она такая нежная, бархатная, родинка-то. И вдруг, поверьте, ощущаю, как моя партнерша вся изгибается и амурный трепет возникает во всем ее теле. Помните, у меня гнедая была!

НАЗАРОВ. Какая гнедая?

АЛИБЕКОВ. При чем здесь лошадь, граф?

ПОЛИЕВСКИЙ. Да не лошадь, князь. Натрущица. Я рассказывал вам. У нее тоже такая точка была, до тронешенья — взвизгивает, как змий-искуситель.

Ладный ритм лошадиных копыт прерывается, извозчик так же браво выкрикивает остановку, и сани останавливаются у входа в училище.

ПОЛИЕВСКИЙ (откидывая полость). Продолжение рассказа ночью...

Он насмешливо оглядел всех, отметил насупленного Толстого и съязвил:

— Когда Толстой уснет.

Они отдают извозчику свою юнкерскую складчину и идут к училищу.

Едва закрыв за собой массивные двери, юнкера видят дежурного офицера, хорошо им знакомого Фокина, которого они зовут меж собой — Додон. Один за другим, держа руку под козырек, браво рапортуют о своем прибытии.

ПОЛИЕВСКИЙ. Ваше благородие. Является из отпуски юнкер третьей роты Полиевский!

Фокин, заложив руку за спину, прищурился и повел носом.

ФОКИН. Ликер?

ПОЛИЕВСКИЙ. Никак нет, господин капитан! Наливка вишневая.

ФОКИН. Фу, гадость какая! Но за правду валяю! Ступайте и не забывайте — скоро спать!

Полиевский проходит. Толстой, ускорив шаг, догоняет его на широкой лестнице.

ТОЛСТОЙ. Граф, я не имею вашего титула, и моя биография не так богата знанием натурщи, но мне кажется, говорить о дамах в таком тоне недопустимо. Честь имею, граф.

На физиономии добродушно настроенного Полиевского недоумение.

ПОЛИЕВСКИЙ (миролюбиво). Андрей, ну что вы в самом деле? Что я такого сказал? Вы тоже могли что-нибудь о своем «паровике» сказать, с которым отплысывали!

Он, демонстрируя свое дружеское расположение, положил руку на плечо Толстого, но тот резким движением сбросил ее.

ПОЛИЕВСКИЙ (нахмурился). Вы что, серьезно, Толстой?

Андрей, не отвечая, идет вперед.

Удобно устроившись в большом кресле, Джейн листает журнал. Копнов пристроился в углу с кипой газет. Роберто мается, ходит по комнате, то и дело недовольно поглядывая на Джейн.

РОБЕРТО. Это, конечно, твое дело, Джейн, но тратьте столько времени на танцы с этими... кадетами, когда рядом генерал, который зависит от моя судьба... Джейн опустила журнал и удивленно посмотрела на отца.

ДЖЕЙН. От которого...

РОБЕРТО. Что?

ДЖЕЙН. Ты сказал: «Которая зависит от моя судьба», а надо так, от которого зависит моя судьба.

РОБЕРТО. Нет, я все понимаю, но... то есть я ничего не понимаю...

Он осекся. Из-за газеты раздался голос Копнова.

КОПНОВ. Вы только послушайте, пишет газета «Русский еврей». В Малороссии продолжается упорно распространяться слухи о рождении антихриста! Его родила симферопольская еврейка от ручного ястреба...

Он посмотрел на них. Инженер развел руками.

РОБЕРТО. По-моему, здесь все против меня.

Юнкера располагаются за партами, один караулит у двери, а несколько юнкеров возятся за кафедрой, толкаясь и хихикая. За дверью слышится труба горниста Савельича — «на занятия».

ЮНКЕР (у двери). Идет, господа!

Все мгновенно рассаживаются по местам. Входит преподаватель военной географии Форстен по кличке «Мамочка». Юнкера как один встают за партами, приветствуя Форстена. Он окидывает своим рыжим бесцветным взглядом класс, зорко оглядывает помещение: доску, кафедру, пробует, хорошо ли стоит стул, заглядывает в чернильницу.

Джейн открыла глаза. Несколько мгновений она лежала, словно пытаясь понять, где же она находится. Потом что-то вспомнила, чуть улыбнулась, но, когда рывком села в кровати, была уже серьезной. Она еще лениво потянулась, затем решительно поднялась, достала из висящего портфеля какую-то специальную пружину и сосредоточенно стала делать гимнастические упражнения.

ФОРСТЕН. Садитесь, господа!

Все садятся. Чуть помявшись, садится и Толстой. Форстен вешает на грифельную доску свою знаменитую «немую» карту без единого названия на ней, возвращаясь к кафедре и еще раз проверяет прочность стула, заглядывает под стол и наконец садится. Раздается громкий и не совсем приличный звук. Форстен вскакивает как и положено, вскакивают все юнкера.

ГОЛОС ЮНКЕРА. Будьте здоровы, ваше высокоблагородие!

Форстен криво усмехается, как человек, давно знающий и ко всему готовый, но чье слово будет всегда «последним».

ФОРСТЕН [с улыбочкой]. Господин юнкер Толстой, извольте пройти сюда!

ТОЛСТОЙ. Это не я, ваше высокоблагородие!

ФОРСТЕН (величливо). Извольте пройти к доске, господин юнкер.

ТОЛСТОЙ. Но это, честное слово, не я, ваше высокоблагородие!

ФОРСТЕН [словно не понимая, в чем дело]. Мамочка моя! У нас урок, прошу вас...

ТОЛСТОЙ. Я буду просить князя Алибикова.

ПОЛИЕВСКИЙ. Я — Назарова.

ТОЛСТОЙ. По кодексу дуэльному мы не должны до поединка встречаться.

ПОЛИЕВСКИЙ. Хорошо! Я натру суконой термометр и скажусь нездоровым.

ТОЛСТОЙ. Прощайте!

Никто этого разговора не слышит, хотя и происходит он в самой гуще и ступолке юнкерской жизни.

Толстой смотрит в окно.

ФОРСТЕН. Что же вы, мамочка вы моя, молчите, как могильный памятник?

ТОЛСТОЙ (неожиданно). А что же вы, ваше высокоблагородие, еще от могильного памятника хотите? Юнкера засмеялись. «Мамочка» тоже улыбнулся, своею никогда не предвещающей ничего хорошего улыбочкой.

ФОРСТЕН. Та-ак... Ну-с, со Второй пуннической войной мы разобрались. А не могли бы вы нам, мамочка вы наша, господин юнкер, сообщить, где скончался император Наполеон?

ТОЛСТОЙ. Могу. Только дозвоьте спросить, ваше высокоблагородие, какого императора вы имеете в виду: Великого или последнего?

ФОРСТЕН. Великого, мамочка вы наша, Великого...

ТОЛСТОЙ. На острове Святой Елены, ваше высокоблагородие!

ФОРСТЕН. В таком случае, может быть, вы, господин юнкер, позволите указать нам сей остров на карте Мирового океана?

Толстой медленно поворачивается к карте. На ней нет ни одного названия, только немые очертания континентов да голубое поле Мирового океана с точками островов и архипелагов.

Отчетливый конец указки неуверенно ползет по карте. Толстой оборачивается к классу.

Джейн идет заснеженной улицей, смотрит на многочисленные витрины, читает вывески. Проходя мимо храма, приостановилась, подумав, решила зайти...

В храме малолетно, только несколько старушек, какая-то семья, видимо, приезжие, калек и девушка в скромной шубке.

Джейн с любопытством оглядывается по сторонам, подошла к иконе, приподняла, рассматривая ее.

Джейн осторожно потрогала рукой роспись на стене, постояла еще немного и вышла из храма.

На ступеньках она остановилась.

На противоположной стороне шумного проспекта, у внушительного здания театра с броскими аршадами, стоял Копнов с каким-то человеком. Увидев Джейн, Копнов помахал ей рукой. Она перешла проспект, подошла к ним.

Толстой продолжал стоять у доски.

ФОРСТЕН. То, что вы нам указали, вовсе не остров Святой Елены, господин юнкер... [поворачивается к классу]. Ну кто, мамочка моя, хочет указать нам место, где почили великий полководец?

ПОЛИЕВСКИЙ [вставая]. Разрешите мне, ваше высокоблагородие!

Полиевский, не глядя, забирает у Толстого указку и, почти стоя спиной к карте, твердо тыкает острие в маленькую точку в Атлантическом океане.

ПОЛИЕВСКИЙ. Вот она, эта маленькая родинка (!) на нежной спине океана, и есть Святая Елены остров.

А то, что показал нам господин юнкер, это мухи на потолке.

Юнкера хохочут. У Толстого на лбу и верхней губе появляется испарина.

Форстен устало садится на стул. Вновь на весь класс раздается громкий и неприличный звук, Форстен вскакивает. Как один вскакивают юнкера.

ТОЛСТОЙ. Будьте здоровы, ваше высокоблагородие!

Форстен срывает со стула чехол, и в его руках оказывается тонкая резиновая подушечка — детская игрушка-куклолка. Форстен складывает ее вдвое и зововет в портфель. Вновь раздается тот же звук.

ТОЛСТОЙ. Будьте здоровы, ваше высокоблагородие!

ФОРСТЕН. И без очередного отпуска, Толстой!

ТОЛСТОЙ [бодро]. Слушаюсь, ваше высокоблагородие!

За дверью слышится сигнал горниста. Форстен быстро направляется к двери.

Хлопает тяжелая дверь за «Мамочкой». Юнкера загалдели, раздаются крики и смех.

Полиевский поворачивается, чтобы выйти из класса, и неожиданно, лицом к лицу, сталкивается с Толстым. Мгновение они смотрят в глаза друг другу.

ТОЛСТОЙ [тихо и отчужливо]. Граф, вы — низкий человек, и я вас вызываю!

Глаза Полиевского вспыхнули, стали жесткими. Он улыбнулся.

ПОЛИЕВСКИЙ. Хорошо! В рекреационной зале есть две пушки. Хотите драться на дуэли? Извольте.

ТОЛСТОЙ [тихо]. Я не шучу.

ПОЛИЕВСКИЙ [так же тихо]. Где и когда?

ТОЛСТОЙ. Из училища не выпустят. Предлагаю на расвете в гимнастической зале. Выбор оружия за вами.

ПОЛИЕВСКИЙ. Я вступаю это право вам.

ТОЛСТОЙ. Эспадроны!

ПОЛИЕВСКИЙ. Толстой, вы рискуете, я лучше фехтую.

ТОЛСТОЙ. В четыре пополудни в гимнастической зале!

ПОЛИЕВСКИЙ. Секунданти?

ТОЛСТОЙ. Я буду просить князя Алибикова.

ПОЛИЕВСКИЙ. Я — Назарова.

ТОЛСТОЙ. По кодексу дуэльному мы не должны до поединка встречаться.

ПОЛИЕВСКИЙ. Хорошо! Я натру суконой термометр и скажусь нездоровым.

ТОЛСТОЙ. Прощайте!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

кивает. И так уже четыре года! Я ничего не могу понять: получается, они сами себе должны! Все запуталось! Что за люди! Никто не говорит: нет, и никто ничего не делает! Если не пьют, то не работают! А без меня не пьют. И я пью с ними, чтобы шла работа! Как я еще не спился!

Копнов подходит к инженеру, осторожно расслабляет и снимает петлю. Роберто, всхлиывая, отходит к столу, капает в рюмку капли.

Длинный, поблескивающий тщательно натертым воском паркет коридора Алексеевского училища.

В углу, у выхода на широкую мраморную лестницу, — напольные часы. Перед ними застыл коридорный дядька — Савельич. Он внимательно, не мигая, смотрит на циферблат. Ровно десять. Часовой механизм заворачивается, зашумел, как бы набирая воздух из первого удара. Не дожидаясь его, Савельич поднял рожок сигнальной трубы и заиграл «перемени».

САВЕЛЬИЧ [кричит]. Господа юнкера! Большая перемена! Пожалуйте на волю! Пожалуйте на волю!

Еще мгновенье, и коридор наполнился возбужденными, громко разговаривающими, смеющимися, мчащимися куда-то юнкерами. Вот они бегут к мраморной лестнице, старшая шаг и делая равнение на идущих навстречу, замедляя по знаению, а потом опять, толкая друг друга, бегут на улицу. Только пятеро наших юнкеров, с отступенными поганями, строем направляются в ротную камору (спально) в сопровождении фельдфебеля Зубова. Там они отбывают наказание между уроками.

Пятеро юнкеров расходятся к своим кроватям, поворачиваются спиной к входу и поджигают одну ногу.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Так, господа, чья очередь? Юнкера Алибекова, какetzя?

АЛИБЕКОВ. Так точно, господин фельдфебель! Моя! Фельдфебель небрежно перелистывает толстую немецкую грамматику. Протягивает ее Алибекову.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Прощу, князь. Не шевелитесь, не разговаривайте, ногу менять раз в четверть часа! Дежурному — проследить и доложить! Приступайте!

Алибеков начинает читать вслух спряжение сложного немецкого глагола. Товарищи уныло повторяют за ним. Фельдфебель, убедившись, что все идет как должно, коротко кивает дежурному унтеру и, мягко ступая, быстро выходит.

Ступая мгновение дежурный унтер-офицер изображает тихим светом летящий снаряд и вместо разрыва, окутаный табачным дымом, плюется на диван.

ДЕЖУРНЫЙ. Слава тебе, господи, пронесло, господи! Перелет! У-уж! Думал, задонюси! Папироску успел выбросить, а выдохнуть — нет! И вы тут ходите! У-уф!

Он смеется, отмахивая остатки дыма рукой. Юнкера молчат.

В Елизаветинском институте шла подготовка к главному, ежегодному у них балу. В огромной, в колоннах, зале истова работали полотеры. Один из них, молодой парень в серой напылус рубашке, неловко поворачивался и грохнулся на скользком полу.

Дежурный офицер, сияющий новым мундиром в эпоху, румяным лицом с черными усиками, почтительно проводил Джейн через приемную к дверям кабинета своего начальника.

Откнув свой туго перетянутый по отросшему животу стам, генерал с любопытством повернул к посетительнице свое белое холерное лицо с покатым лбом, выступающим из-за тщательно пригладженных висков.

ГЕНЕРАЛ [приподнимаясь]. Прощу-с. Чем могу служить, милостивая государыня? Прикажничаетесь.

Джейн достала из сумочки белый продолговатый конверт и протянула генералу.

ДЖЕЙН. Ваш юнкер оставил это в пезде.

Генерал озадаченно потер лоб, услышав английскую речь. Вскрыв конверт, он извлек из него фотографию на паспарту.

ГЕНЕРАЛ. Да, это наш юнкер.

Он медленно, с паузами подбирая английские слова.

ДЖЕЙН. Мы оказались случайно в одном купе. Если не ошибаюсь, его фамилия, как у знаменитого писателя Толстой...

ГЕНЕРАЛ. Да, да. Конечно, Толстой. Старший курс, вторая рота.

Джейн нравилась ему. Он снова привстал.

ГЕНЕРАЛ. Разрешите представиться, мадам. Барон фон Рядлов, генерал-лейтенант, начальник Алексеевского училища, камергер двора Его Величества Государя императора, товарищ председателя его императорского высочества инженерно-технического кабинета по изобретениям.

Все это говорилось по-английски, иногда с паузами при подборе слов.

Джейн ответила легким кивком и назвала себя.

ДЖЕЙН. Джейн Кэллаган, урожденная Староро.

Генерал вновь озабоченно наморщил лоб и поправил виски.

ГЕНЕРАЛ [по-английски]. Староро?.. Староро?.. Хм... По-моему...

ДЖЕЙН. Да, генерал, вам эта фамилия известна.

ГЕНЕРАЛ. Это ваш муж, Староро?

ДЖЕЙН. Отец. Я вдова. Мой муж погиб.

Печатается с сокращениями.

25.06.92 Шорачинцев Рустам

